

ють убогість їх внутрішнього світу. Але якщо у своїх ранніх творах Б. Шоу намагається вивести позитивного героя, то у водевілях А. Чехова присутня тільки «обивательщина» (позитивний герой з'явиться пізніше);

– композиція ранніх комедій Б. Шоу найчастіше виявляється продиктованою його захопленням теоретичними роботами А. Бергсона. У А. Чехова можна виділити ненавмисне слідування теоретичним установам філософа в силу їх об'єктивної істинності.

Список використаних джерел

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1990. – 543 с.
2. Бергсон А. Смех / Предисл. и примеч. И.С. Вдовина / А. Бергсон. – М. : Искусство, 1992. – 127с.
3. Зингерман Б. И. Театр Чехова и его мировое значение / Б. И. Зингерман. – М. : Наука, 1988. – 521 с.
4. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Изд. Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
5. Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность / М. Т. Рюмина. – М. : Либроком, 2003. – 320 с.
6. Тюпа В. И. Художественность литературного произведения / В. И. Тюпа. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 217 с.
7. Хализев В. Е. Теория литературы: [учебник] / В. Е. Хализев. – М.: Высш. шк., 2005. – 405 с.
8. Чехов А. П. Полн. собр. соч.: в 30 т. –Т. 11. Пьесы. 1878-1888. – М. : Наука, 1978.
9. Чехов А. П. Полн. собр. соч.: в 30 т. –Т. 12. Пьесы. 1889-1891. – М. : Наука, 1978.
10. Шоу Б. Полное собрание пьес: в шести томах. –Т. 1. Пер. с англ. / Ред. тома Е. А. Корнеева. Вступит. ст. А. А. Аникста. Коммент. А. А. Аникста, А. Н. Николюкина. – Л. : Искусство, 1978. – 647 с.

Summary. In the given article, the problem of likeness and diversity of A. P. Chekov's and B. Shaw's laughter culture is studied. Vaudeville and early comedy by Russian and English authors are compared. In terms of scientific research were included problems of conflict, story, and social class psychology of domestic person, which are reflected in both playwrights' works.

Key words: laughter traditions, comedy, vaudeville, middlebrow.

УДК 821.411.16'06.09

П.Л. Шульк

АНДРОГИННЫЕ ОБРАЗЫ В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Андрогин по собственному желанию

У статті автор продовжує досліджувати канони андрогінності, що знайшли своє специфічне втілення у сучасній ізраїльській жіночій літературі. Створюючи образи жінок, що прагнуть у своїй поведінці відповідати нормативам іншої статі, письменниці виступають проти низького статусу жінки, закладеного у Біблії та коментаторській традиції.

Ключові слова: Біблія, талмудична література, андрогінність, соціальний статус, моделі поведінки

В произведениях Йоны Волах и Зархи, которым посвящена первая статья [9], андрогинность представлена как следствие специфического осознания собственной идентичности, которое вызывает у героинь определенный дискомфорт. Но для современной израильской женской литературы больше характерно обращение к другому канону андрогинности, в котором стремление соответствовать нормативам другого пола приводит к маскулизации /феминизации в обществе. Маскулинное поведение женщин в творчестве Орли Кастель-Блюм, Цруи Шалев, Майи Арад и др. – сознательный выбор, продиктованный стремлением к социальной адаптации. В этом стремлении кроме закономерной борьбы современной феминистки за новый канон женского и мужского поведения ясно просматривается то, что составляет особенность еврейской женской литературы – попытка «своим стихом или научной книжкой перешибить железобетонный шовинизм

самой Библии и многовековой комментаторской традиции» [8, 8]. Задача не из простых, ведь если талмудический андроцентризм безусловен, то танахические тексты не столь однозначны по отношению к женщине. Сколько бы библейские тексты не декларировали ее достойный статус (например: *Гимн женщине* [Притчи 31:10-27]), сложно не согласиться с Ализой Шенар, утверждающей, что у большинства героинь ТаНаХа – «ни воли, ни свободы, ни голоса», а их существование «беззвучное и малозаметное» [8, 7].

Именно в ТаНаХе был заложен низкий статус женщины, ведь она была сотворена из ребра Адама только потому, что бог не нашел ему «помощника, соответственного ему», среди животных. В то же время в первой главе первой книги ТаНаХа сотворение было произведено на началах равенства: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил Он их» (Берешит (Бытие) 1:27). Два рассказа о сотворении женщины отражают две мировоззренческие традиции, из которых позднейшая библейская, а за ней талмудическая литература отдала предпочтение той, которая утверждала патриархат.

Вчитаемся в текст, который призван прославить женщину:

- 10 Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов;
  - 11 уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибитка;
  - 12 она воздаст ему добром, а не злом, во все дни жизни своей.
  - 13 Добывает шерсть и лен, и с охотой работает своими руками.
  - 14 Она, как купеческие корабли, издали добывает хлеб свой.
  - 15 Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и урочное служанкам своим.
  - 16 Задумает она о поле, и приобретает его; от плодов рук своих насаждает виноградник.
  - 17 Препоясывает силою чресла свои и укрепляет мышцы свои.
  - 18 Она чувствует, что занятие ее хорошо, и – светильник ее не гаснет и ночью.
  - 19 Протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено.
  - 20 Длань свою она открывает бедному, и руку свою подает нуждающемуся.
  - 21 Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ее одета в двойные одежды.
  - 22 Она делает себе ковры; виссон и пурпур – одежда ее.
  - 23 Муж ее известен у ворот, когда сидит со старейшинами земли.
  - 24 Она делает покрывала и продает, и поясы доставляет купцам Финикийским.
  - 25 Крепость и красота – одежда ее, и весело смотрит она на будущее.
  - 26 Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее.
  - 27 Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности.
- (Притчи 31:10-27)

Отрывок, который носит название «Гимн Женщине», парадоксально, но подчеркивает превосходство мужчины над женщиной. В *Гимне* четко перечисляются многочисленные функции идеальной жены, не выходящие за пределы домашнего пространства, тогда как функции мужчин ограничиваются общественными делами: «Муж ее известен у ворот, когда сидит со старейшинами земли».

Талмудическая традиция и литература мидрашей идет дальше:

- «Путь женщины – сидеть в доме своем, путь мужчины – выходить на улицы и учиться разумению у людей» (Берешит Раба, 18:1);
- «у первого человека взяли ребро и дали ему рабыню для прислуживания ему» (Вавилонский Талмуд, трактат Сангердин, 39б);
- «Нет у женщины мудрости, кроме как во [владении] веретеном» (Вавилонский Талмуд, трактат Йома, 66б);
- «женщина [существует] лишь для [рождения] сыновей, лишь для красоты» (Вавилонский Талмуд, трактат Таанит, 31а);
- «женщина не судит» (Иерусалимский Талмуд, трактат Шавуот, 4а);
- «женщина не [должна] дерзить и слушаться мужа своего» (Вавилонский Талмуд, трактат Гитин, 64б);
- «женщина не вчиняет иск мужчине» (Берешит Раба, 17:14)

«Патриархальные стереотипы, оправдывающие высокий социальный статус мужчин и низкий женщин и выражающие древние представления мужчин о женщинах» [8, 16], позволили одному из самых почитаемых в еврейской культуре средневековому философу Рамбаму в книге «Мишне Тора» записать установление: «Ибо всякая женщина, воздерживающаяся от исполнения работы из работ, которые она должна исполнять, – вынуждают ее, пока не станет исполнять, даже кнутом» (Рамбам Мишне Тора, Гильхот Ишут, 21, 1:2), ибо «плод трудов ее для мужа ее... и должна она прислуживать ему» (Рамбам Мишне Тора, Гильхот Ишут, 21, 1:4).

В Библии и мидрашах отразился привычный, в основе своей мужской, социум, где, естественно, приняты и утверждены правила поведения, созданные мужчинами и дискриминирующие женщин не только унижительными предписаниями, но и путем отстранения ее от обществен-

ных дел. Так в библейской литературе женщины, в большинстве своем даже не поименованные¹, оказались, по высказыванию современных феминисток, «отсутствующими в своем присутствии» персонажами. Культурно-идеологические установления были закреплены и в постбиблейской литературе.

Но в современной женской израильской литературе, не теряющей преемственности с библейским повествованием, представлены появившиеся и в общественной жизни новые поведенческие стереотипы или скорее модели поведения, которые не только не повторяют в женском облике существующие, но и не противопоставляются мужским. Они другие. Какие? Возможно, андрогинные?

Мужчина-автор может написать от лица своей героини: «Тогда почему я родилась женщиной?» и показать, как она начинает культивировать мужской тип поведения [1]. Женщина-автор скажет «Трудно объяснить, но она ужасно вдруг обрадовалась, что родилась женщиной, а не мужчиной» [6, 127], а от лица мужчины произнесет: «...так я и знал, Бог – женщина» [6].

Израильская женская литература, как будто отвечая на вопрос героини Орли Кагель Блюм «Что вообще происходит? Я не женщина, муж – не мужчина...» [2, 176], пытается создать и оправдать образ, который так напоминает мечту Сандры Бем [см.: 9] и утверждает возможность практического воплощения теории андрогинности, для которой «еще не пришло время». В произведениях израильских писательниц героини в соответствии с представлениями психолога об андрогинной личности обладают одновременно и мужественными и женственными чертами.

Оставаясь физиологически женщиной, героини в своей деятельности не разделяют мужские и женские функции или пытаются их объединить в своей жизни.

Согласно традиционному еврейскому мировоззрению, опирающемуся на ТаНаХ, место женщины в пределах дома, в любви, продолжении рода, а не вовне и тем более на общественном поприще (см. *Гимн женщине*). И если женщина «выходила» за четко определенное ей пространство, она заслуженно! подвергалась насилию. Вспомним истории Дины², Тамар³, в которых слова с корнем «.ז.ח.» (выходить) предвосхищают сцены насилия.

Женщины в произведениях израильских писательниц тоже «выходят», чтобы утвердить свое право заниматься не только домом. И если героини Волах и Зархи, страдающие от невозможности понять свою половую принадлежность, не могут вырваться за пределы своего сознания [9], женщины в произведениях Орли Кагель Блюм, Цруи Шалев, Шохам Смит, Свамион Либрехт «выходят», чтобы разрушить привычные стереотипы маскулинно/феминного поведения, но «возвращаются», чтобы остаться женщиной. В основе их действий – стремление достичь гармонии с собой и окружающим миром. Но...

У Орли Кагель Блюм женщина «выходит» за пределы дома, пытаясь решить финансовые проблемы семьи. Но профессиональный опыт и способности героини не интересуют работодателя, который действует не так грубо, как библейские герои. Вместо сцены насилия – ироничная сцена купли-продажи (естественная для патриархального мира, где женщину можно если не изнасиловать, то купить) [2, 173], которая заканчивается для мужчины неожиданно: «Я вытащила молоток и скалку и крепко стукнула по столу» [2, 174]⁴. А муж героини с легкостью занимает место жены и с радостью продает себя служащей банка за отсрочку платежа. Героине остается вернуться домой и лелеять еще не утраченные способности «любить редкие мгновения близости между людьми» [2, 176]. Время андрогинного типа еще не пришло.

«Вышедшая» из повиновения⁵ и из дома героиня Свамион Либрехт [4] оказывается беспомощной перед мужской агрессией: «кто-то крикнул ей с сильным арабским акцентом: «Кобеля ищешь, коспожа?»» [4, 315] и перед собственным мужем, которому не может рассказать все перипетии своего мужественного! поступка – вопреки желанию мужа, несмотря на унижения, боль, разочарование, женщина, как и мечтала, пристраивает комнату на крыше.

В другом произведении Орли Кагель Блюм – романе «Текстиль» [12] – героиня (имеющая имя в отличие от писательницы из рассказа «Тысяча шекелей за рассказ») уже давно (и удачно!) «вышла» за рамки стереотипного для женщины поведения и сама решает все проблемы⁶. Аманда-Мэнди, хозяйка текстильной фабрики, на которой держится дом, семья (дочь, сын, муж-гений), фабрика и общественный статус семьи, вдруг ложиться в клинику для того, чтобы сделать пластическую операцию. Причина, на первый взгляд, понятна: женщина хочет стать красивой. Но истинную причину «мужественная!» героиня открывает сначала только подруге – окружающие не должны видеть ее слабость: боль, тоску, волнение за сына-снайпера, находящегося на переднем крае в боевых войсках.

В произведениях израильских писательниц, как и в современном Израиле, женщины с легкостью выполняют мужские социальные функции (даже служат в боевых войсках!), но материнское чувство – главное, что не дает ей превратиться в мужчину, как и героине из романа Цруи Шалев [7].

Она тоже «выходит» и не только из дома, но и за рамки приличествующего для замужней женщины-матери поведения (отказ выполнять функции хозяйки дома, нарочитая демонстрация

безразличия к дочери, многочисленные любовники, даже виртуальные). Но совершая неприличные для женщины, а для мужчин нормальные, естественные (стереотипы живучи!) поступки, она терпит фиаско, и перед нами уже трагедия матери, потерявшей дочь, а с ней – семью, дом, смысл и жизнь. Израильская действительность (жизнь в состоянии войны, теракты) обостряет чувство материнства.

Героини Майи Арад уже живут за пределами маскулинных/феминных стереотипов. Это женщины, прошедшие армию сделавшие карьеру, независимые и уверенные в себе. В романе «Другое место, чуждый город» после долгой разлуки встречаются бывшие армейские сослуживцы. В прошлом наивная коренная израильтянка Орит (поименованная!) была по уши влюблена в безразличного к ней репатрианта из Канады Джея и даже (не в силах выдержать после окончания службы разлуки с возлюбленным) пережила депрессию. Сейчас «она хороша собой, уже много лет живет в Канаде и сделала карьеру в хай-теке» [5]. Ее высокий социальный статус связан не с замужеством, а именно с карьерой и соответствующей зарплатой. Джей, который сейчас для Орит безразличен, – «докторант на кафедре еврейской философии в Иерусалимском университете, редактирует нудные кафедральные сборники и пишет скучные статьи. Его жизнь пуста». Но он не вызывает сочувствия даже после сцены теракта, которая лишь усиливает ощущение пустоты и нелепости его существования. Страдающая в прошлом от холодности, даже грубости, любимого мужчины наивная Орит в настоящем – успешная замужняя женщина с высоким социальным статусом, хозяйка дома и жизни. А самоуверенный бывший рядовой Джей, способный, не задумываясь о последствиях, унижить влюбленную девушку (сама пришла!, а, может, все-таки «вышла»?), жалок в своих потугах что-то изменить в своей бессмысленной жизни.

Кажется, слабые герои-мужчины – «слабость» Майи Арад. Но в отличие от Джея герой романа «Мастер короткого рассказа» талантливый писатель Адам Тгар-Лев, не потерявший способности творить, любить и страдать, более чем симпатичен автору. Мягкости чистосердечного⁷ мастера короткого рассказа противопоставлен расчетливый цинизм его молодой возлюбленной. В романе Майи Арад мужчина и женщина меняются местами. Это Он выходит в мир, где Она, Мейталь Эйнав, критикесса-феминистка выдергивает из небытия невестребованного писателя только лишь затем, чтобы в иронично-язвительном тоне доказать логичность его невестребованности: «...Тайландцы, китайцы, румыны, филиппинцы. Они-то приезжают и делают за нас всю ту работу, которой мы гнушаемся: гнут спину на наших полях, подтирают зады нашим старикам и исполняют главные роли в наших коротких рассказах» [цит. по: 3]. Но самоуверенность зацикленной на собственной карьере и социальном статусе женщины не убедительна. Ущербность ее эгоцентризма усиливает рассказ-вставка «Омск», одно из поздних произведений Адам Тгар-Лева. Незамужняя одинокая героиня, не имеющая возможности родить, решает усыновить ребенка, который должен скрасить ее жизнь. Не важно, почему она принимает это решение – или материнский инстинкт проснулся, или на генетическом уровне заложена в ней давней традицией убеждение, что главное предназначение женщины – рожать, важно, что это решение она принимает сама. Это уже не пассивная женщина прошлых веков, а активная личность. Но ей придется вернуться ни с чем из далекого сибирского русского города. И причина не только в том, что ребенок, который ждал ее в Омске, болен. Для героини он нужен как доказательство силы, самостоятельности, удавшейся жизни. Но для маленького существа не важно, какая у него одежда, кровать, даже имя, ему нужно, чтобы его просто любили и были готовы пожертвовать собой ради него. Эгоцентризм женщины не позволяет ей стать матерью, и она отказывается забрать ребенка. Для израильских героинь это скорее исключение, чем правило. Уже давно «выйдя» из стереотипа женского существования, «несостоявшаяся» мать оказывается на грани, когда отказ от женского восприятия действительности может превратиться в безнравственность.

Всех героинь отличает стремление преодолеть гендерную асимметрию древней традиции, но как только появляется желание принять не свою, равную мужской, а именно мужскую модель поведения, женская природа начинает мстить им, и они терпят фиаско. И все потому, что им до сих пор приходится «выходить». И, видимо, права С.Бем, считающая, что преодоление гендерной дихотомии, когда ни выходить, ни возвращаться уже не придется, возможно при социальном конструировании пола⁸.

Произведения Орли Кастель Блум, Цруи Шалев, Майи Арад репрезентуют андрогинность как адаптацию женщины к реалиям современного мира, которая призвана приравнять женщину к мужчине, восстановив справедливость древней книги, где в первой главе сотворение и мужчины и женщины было произведено на началах равенства.

Примечания

¹ Редкие поименованные героини ТаНаХа часто демонстрируют маскулинный тип поведения (Дебора, Яэль)

- ² Дина – дочь Якова и Леи, которая вышла «посмотреть на дочерей земли Ханаанской» и которой «Шхем, сын Хамора, ... учинил насилие» [Берешит (Бытие) 32:3–36]
- ³ Тамар – дочь царя Давида, изнасилованная единокровным братом Амноном.
- ⁴ Мы уже отмечали интертекстуальность этого отрывка [10]
- ⁵ Решает самостоятельно, без участия мужа, уехавшего на стажировку, организовать пристройку еще одной комнаты на крыше
- ⁶ Ее дочь ждет такая же участь. Похоже, в этом романе предназначение женщин – выполнять и женские, и мужские обязанности, тогда как удел мужчин – только мечтать и творить.
- ⁷ Так переводится имя Адам Тгар-Лев – человек чистого сердца.
- ⁸ Американская еврейская писательница Анита Диамант в романе «Красный шатер» предлагает один из вариантов социального конструирования пола, который поможет женщинам осознать себя как самостоятельного человека (не просто женщину!) со своими желаниями и страстями (женскими в том числе). Шатер – место встречи для женщин, которые находятся в нем во время менструаций. Здесь они расслабляются, отдыхают после тяжелой работы, многочисленных родов, сплетничают, помогают друг другу, постигают женскую мудрость и формируют самосознание.

Список использованных источников

1. Башевис-Зингер И. Ентл-ешиботник // Башевис-Зингер И. Сборник рассказов. Иерусалим : Библиотека Алия, 1990. – С. 215–242
2. Кастель-Блюм Орли. Тысяча шекелей за рассказ / Орли Кастель-Блюм // Плоды смоковницы. Современный израильский рассказ: Антология. Перевод с иврита / Сост. Хая Хофман. – Иерусалим, 2002. – С. 173 – 176.
3. Копельман Зоя. Майя Арад и ее книги [Электронный ресурс] / Зоя Копельман. – Режим доступа: <http://booknik.ru/publications/all/arad/>
4. Либрехт Савион. Комната на крыше / Савион Либрехт // Пути ветра. Современная новелла Израиля. Перевод с иврита. Предисловия Елены Макаровой и Гершона Шакеда. – М. : Радуга, 1993. – С. 312–338.
5. Римон Елена. Горе от хохма [Электронный ресурс] / Елена Римон // Лехаим. – Декабрь 2009 – кислев 5770. – № 12(212). – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/212/rimon.htm>
6. Смит Шохам «Гваделупе / Шохам Смит // Плоды смоковницы. Современный израильский рассказ: Антология. Перевод с иврита / Сост. Хая Хофман. – Иерусалим, 2002. – С. 125 – 129.
7. Шалев Цруйя. Я танцевала, я стояла / Цруйя Шалев. – Иерусалим : Гешарим; М. : Мосты культуры, 5761 – 2000. – 176 с.
8. Шенар Ализа. Возлюбленные и ненавистные: женщина в еврейской литературе от Библии до наших дней // Ализа Шенар. – М. : Мосты культуры/ Гешарим, 2012. – 288 с.
9. Шулык П.Л. Андрогинные образы в израильской женской литературе. Статья первая. Андрогин поневоле/ Шулык П.Л. // Наук. пр. Кам'янець-Подільського нац. ун-ту імені Івана Огієнка: Філологічні науки. Випуск 32. – Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2013. – С. 230–235.
10. Шулык П.Л. Феминистская триада современной израильской женской прозы / П.Л. Шулык // Наук. пр. Кам'янець-Подільського нац. ун-ту імені Івана Огієнка: Філологічні науки. Випуск 31. – Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2012. – С. 378–383
11. Diamant Anita. The Red Tent / Anita Diamant. – Picador, 1st Picador USA Pbk, 2008
12. 220.מג – .[2] 2006. הספריה החדשה למנויים, תל-אביב : תל-אביב – תל-אביב בלום – תל-אביב בלום \ אורלי קסטל בלום \ אורלי קסטל בלום

Summary. In the article the author continues to investigate canons of androgyny, which found their peculiar manifestation in modern Israeli women's literature. By creating images of women trying in their behavior to correspond to standards of the other sex, the writers oppose the low status of a woman found in the Bible and its commentaries.

Key words: the Bible, Talmudic literature, androgyny, social status, behavior model.